

Клайв Стейплз Льюис

Клайв Стейплз Льюис

Письма Баламута
Расторжение брака

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)я44
Л91

Серия «XX век / XXI век -The Best»

Clive Staples Lewis

THE SCREWTAPE LETTERS
SCREWTAPE PROPOSES A TOAST
THE GREAT DIVORCE

Перевод с английского *Т. Шапошниковой*
под редакцией *Н. Трауберг* («Письма Баламута»),
Н. Трауберг («Баламут предлагает тост», «Расторжение брака»)

Серийное оформление *В. Воронина*

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The CS Lewis Company Limited
при содействии издательства HarperCollins Publishers.

First published by Geoffrey Bles in 1942.

Published by Collins in 1957.

Льюис, Клайв Стейплз.

Л91 Письма Баламута. Расторжение брака : [сборник] /
Клайв Стейплз Льюис ; [перевод с английского Т. О. Ша-
пошниковой, Н. Л. Трауберг]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 288 с. — (XX век/XXI век —The Best).

ISBN 978-5-17-114930-7

В этот сборник вошли сразу три произведения Клайва Стейпл-
за Льюиса — «Письма Баламута», «Баламут предлагает тост» и «Рас-
торжение брака».

«Письма Баламута» — блестяще остроумная пародия на ста-
ринный британский памфлет — представляют собой серию писем
старого и искушенного беса Баламута, занимающего respectable-
ное место в адской номенклатуре, к любимому племяннику — юно-
му бесу Гнусику, только-только делающему первые шаги на ниве
уловления человеческих душ. Нелегкое занятие в середине прос-
вещенного и маловерного XX века, где искушать, в общем, уже и
некого, и нечем...

«Расторжение брака» — роман-притча о преддверии загробно-
го мира, обитатели которого могут без труда попасть в Рай, одна-
ко в большинстве своем упорно предпочитают привычную пове-
седневность городской суеты Чистилища непривычному и незнако-
мому блаженству.

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)я44

© C. S. Lewis Pte Ltd., 1942, 1946, 1959
© Перевод. Т. Шапошникова, 2018
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-114930-7

Письма Баламута

Дж. Р. Р. Толкину

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Письма Баламута» появились во время Второй мировой войны, в исчезнувшей теперь «Манчестер гардиан». Надеюсь, они не ускорили ее смерть, но одного читателя газету лишили. Какой-то сельский житель написал редактору, что просит вернуть подписку, ибо «почти во всех этих советах есть не только что-то неправильное, но и что-то просто бесовское».

Вообще же их приняли гораздо лучше, чем я думал. Рецензенты хвалили меня или бранили тем тоном, по которому автор узнает, что в цель он попал. Расходились они в невероятном (для меня) количестве, и спрос не спадал.

Конечно, это далеко не всегда значит именно то, чего бы автор хотел. Если бы вы судили о приверженности к Библии по ее спросу, вы бы ошиблись. Примерно то же, в крохотном масштабе, случилось с «Баламутом». Такую книгу дарят крестникам, и я заметил даже, сдерживая улыбку

ку, что она уплывает в комнаты для гостей, чтобы жить там тихо и мирно рядом с «Жизнью пчел». Иногда ее покупают в еще более низменных целях. Одна моя знакомая увидела, что молоденькая практикантка, которая дала ей грелку в больнице, читает «Баламута», и выяснила почему.

— Понимаете, — сказала девица, — нас предупредили, что на экзамене после медицинских вопросов могут спросить, чем мы интересуемся. Лучше всего назвать разные книги. Нам дали список, штук десять самых ходких, и велели прочитать хоть одну.

— И вы выбрали эту?

— Ну да. Она самая короткая.

Но и настоящих читателей было вполне достаточно, чтобы сейчас ответить на возможные вопросы. Самый обычный — действительно ли я «верю в дьявола».

Если дьяволом вы называете некую злую силу, самодовлеющую извечно, как Бог, я, безусловно, отвечу: «Нет, не верю». Кроме Бога, нет ничего и никого несотворенного. Никто не может достигнуть «совершенной плохости», противоположной совершенной благодати Божией; ведь когда мы отнимем все хорошее — разум, память, волю, силу, само бытие, — просто ничего не останется.

Правильно было бы спросить, верю ли я в бесов. Верю. Иначе говоря, я верю в ангелов и верю, что некоторые из них, злоупотребив свободной

волей, стали врагами Богу, а там и людям. Вот их мы и зовем бесами. Природа у них точно та же, что у хороших ангелов, только она испорчена. «Бес» противоположен «ангелу» лишь в том смысле, в каком «плохой человек» противоположен «человеку хорошему». Сатана, их вождь и диктатор, противоположен не Богу, но архистратигу Михаилу.

Что же до веры в них, я не сказал бы, что «это мой символ веры». Скорее, это мое мнение.

Я верил бы в Бога, даже если бы оказалось, что никаких бесов нет. Пока же ничего такого не доказали и вряд ли докажут, я думаю, что они есть. Мне кажется, так легче понять и объяснить много разных вещей — это согласуется с явным смыслом Писания, и с Преданием, и мнением почти всех людей, почти во все времена; и не противоречит ничему, что доказали науки.

Казалось бы, незачем прибавлять, что вера в ангелов — плохих ли, хороших — не имеет ничего общего с верой в их привычные изображения. Казалось бы — но, увы, не кажется. Бесов рисуют с крыльями летучей мыши, ангелов — с крыльями птичьими не потому, что хоть кто-нибудь убежден, будто нравственное зло обращает перья в перепонку, а потому, что люди любят птиц больше, чем нетопырей. У ангелов — крылья, чтобы хоть как-то выразить легкость и скорость свободной духовной силы. Ангелы — почти как люди, ибо

мы не знаем разумных существ, кроме человека. Существ, стоящих выше нас в иерархии бытия, надо изображать символически, если изображать их вообще. Тут уж не важно, бесплотны они или у них есть тела, которые мы не можем представить.

Дело не только в том, что изображения — символические, но и в том, что разумные люди всегда это знали. Греки не думали, что боги — точно такие, как прекрасные мужчины и женщины, которых ваяли скульпторы. Судя по их стихам, бог «является» смертным, уподобляясь на время человеку. Христианское богословие обычно объясняло так и «явления» ангелов. Псевдо-Дионисий говорил в V веке, что только невежды полагают, будто духи и впрямь подобны крылатым людям.

В изобразительных искусствах эти символы постепенно вырождались. У ангелов Фра Анджелико — и в позе, и на лице — мы видим мир и силу небес. Позже, у Рафаэля, появляются упитанные дети, и наконец — слащавые, слезливые, хилые ангелочки прошлого века, чахлые гурии викторианского рая, настолько похожие на барышень, что только постный вид спасает их от фривольной пошлости. Вот этот символ — очень вредный. В Писании увидеть ангела — страшно; ему приходится говорить: «Не бойся». Ангелочек выглядит так, будто сейчас скажет: «Ну-ну-ну!...»

Литературные символы опасней — труднее понять, что это символ. Лучше всего они у Данте.

Перед ангелами мы благоговейно трепещем. Бесы, как заметил Рескин, так злы, наглы и бесстыжи, что, наверное, гораздо больше похожи на настоящих, чем демоны у Мильтона, которые так величественны и романтичны, что вводят в большой соблазн (ангелы у Мильтона обязаны слишком многим Гомеру и Рафаэлю). Но самый вредоносный из всех — Мефистофель у Гёте. Ту серьезную, неустанную, беспокойную сосредоточенность на себе, которая и есть знак ада, являет совсем не он, а Фауст. Остроумный, разумный, вежливый, легкий Мефистофель помог утвердиться иллюзии, что зло освобождает.

Иногда обычный человек избегает ошибки, которую совершил великий, и я твердо решил писать так, чтобы мои символы не съехали хотя бы в эту сторону. Юмор дает возможность взглянуть на самого себя. Что бы ни приписывали мы существам, чей грех — гордыня, юмора у них быть не может. Сатана, говорит Честертон, пал от собственной тяжести. Мы должны изображать ад как место, где все носятся со своим достоинством, все важны, неприветливы и всех терзают невеселые страсти — зависть, самолюбие, досада. Это общее; а остальное, на мой взгляд, зависит от века и от характера.

Я люблю летучих мышей куда больше, чем бюрократов. Живу я в административном веке. Самое большое зло творят теперь не в мрачных притонах

и вертепах, которые описывал Диккенс, даже не в концлагерях — там мы видим результаты. Его зачинают и рожают (предлагают, поддерживают, разрабатывают) в чистых, теплых, светлых кабинетах аккуратные, чисто выбритые люди, которым и голос повышать не надо. Поэтому мой ад похож на учреждение полицейского государства или на деловое предприятие.

Мильтон говорит, что «дьявол с дьяволом держит союз». Но как? Не дружат же они! Существо, способное к дружбе, не дьявол. Мой символ помог мне и здесь. Земной его прообраз показал мне, что официальное сообщество может держаться только страхом и корыстью. На поверхности все гладко. Грубить высшим слишком опасно; если нагрубить равным, они насторожатся, когда вы еще не готовы к нападению. Ведь принцип всей организации — «пес ест псов». Каждый только и думает, как бы подсидеть другого, оболгать, обличить, погубить; каждый умеет ударить в спину, вежливо осклабясь. Прекрасные манеры, участливая мина, услуги и улыбки — тонкая корочка. Время от времени она лопается — и вырывается лава злобы.

Символ помогает мне и развеять нелепую фантазию, будто бесы с истинным бескорытием стремятся к Злу (непременно с большой буквы). Плохие ангелы, как и плохие люди, исключительно практичны. Мотива у них два. Во-первых, они боятся наказания; в тоталитарном государстве есть

лагеря, а в моем аду есть «исправительные дома». Во-вторых, они как бы голодны. Я выдумал, что бесы едят (в духовном смысле) и друг друга, и нас. Даже здесь, на земле, мы видели, как стремятся некоторые пожрать, переварить другого; сделать так, чтобы он думал их мыслями, чувствовал их чувствами, ненавидел их ненавистью, досадовал их досадой, а они тешили через него свое себялюбие. Конечно, он обязан убрать куда-нибудь свои страстишки. Не хочет? Нет, какой эгоизм!

Здесь, на земле, это нередко называют любовью. Я придумал, что в аду это называют голодом. Только там голод сильнее, насыщение — полнее. Тело не мешает, и более сильный бес (он — дух) может просто всосать, вобрать другого, а потом подпитываться поработленным собратом. Вот для чего (придумал я) нужны им человеческие души и другие бесы. Вот почему Сатана хотел бы заполучить всех детей Евы и все воинства небесные. Он мечтает о дне и часе, когда поглотит все и сказать «я» можно будет только через него. Этот мерзкий паук — его извод, его версия той безграничной щедрости, с какой Бог обращает орудия в слуг, а слуг — в сынов, чтобы они смогли в конце концов соединиться с Ним в совершенной любви, ибо Он дал им свободу быть личностью.

Однако, как в сказке братьев Гримм, «это мне только приснилось». Это символ, миф. Поэтому для тех, кто читает «Баламута», не так уж важно,